

работать в экономических условиях, соответствующих их природе, то сейчас бы не только не испытывали недостатка продовольствия, но и экспортировали его в другие страны».

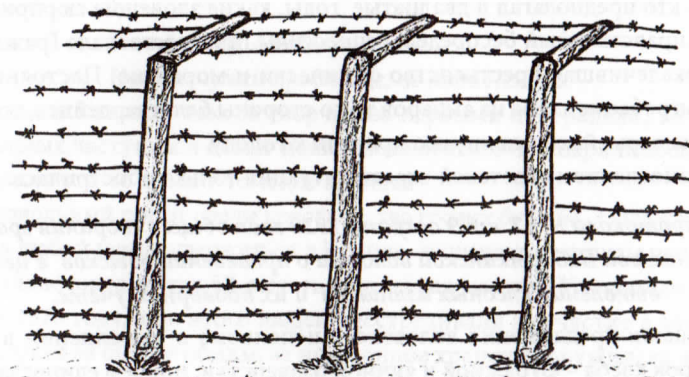
В 2005 году коров в хозяйствах осталось всего одна тысяча шестьсот пятьдесят пять. Уменьшилось поголовье и в личном подворье.

Люди в своем большинстве предпочитают получать маленькое пособие по безработице, но не трудиться, как их родители и деды.

Шегарская делегация на Всероссийском съезде межколхозных строительных организаций

БОЛЬ ЛЮДСКАЯ ЗЕМЛИ ШЕТАРСКОЙ

Разберемся во всем, что видели,
 Что случилось, что стало в стране.
 И простим, где нас горько обидели
 По чужой и по нашей вине.

С.Есенин

Революционный лозунг «Землю – крестьянам, фабрики – рабочим» вызвал живой отклик в среде бедняков. Не только безлошадные мужики, но и середняки почувствовали момент, когда можно взять реванш перед «богатеями» за былые унижения. Веками библейские заповеди сдерживали зависть к чужому процветанию. Религиозные убеждения не позволяли убивать, откровенно лжесвидетельствовать, воровать. С разрушением церквей уже ничто не мешало бесчинствовать. Началась легкая эйфория от вседозволенности.

Мало кто предполагал в двадцатые годы, какие злоешие сюрпризы преподнесет нравственный беспредел. Репрессиям предшествовала Гражданская война, покaleчившая крестьянство физически и морально. Постоянные поборы и выгребание хлеба из амбаров то со стороны белогвардейцев, то со стороны красноармейцев неминуемо привели к голоду.

С установлением советской власти ситуация только обострилась.

Копия протокола № 12 от 9 августа 1920 года общего собрания граждан д. Гынгазова Бабарыкинской волости о проведении обысков в целях выявления хлебных излишков и их подворном учете.

«Слушали: предложения волостного исполкома о выполнении в семидневный срок хлеба – фуражной и яичной разверстки, причем единогласно постановили:

Для подворного производства учета и обыска хлеба назначить комиссию в лице Совета и в помощь Совету назначить 4 понятых: Чебанова Егора, Бурыхина Елизара, Першина Петра и Гынгазова Степана, а остальным разбиться на 2 партии и производить обыск в огородах, гумнах и банях. После обыска и записи на учет всего наличного хлеба поручить комиссии составить акт и распределить излишки хлеба, весь ячмень отправить на сыпной пункт в с. Кожевниково. Для пополнения яичной разверстки об-

ложить на каждую рабочую душу по 10 штук яиц» (КАТО. Ф. РР-202, О. 2, Д. 24. 24, Л.).

Сельские оперпродтройки в составе председателя сельсовета, представителя комячейки и представителя от налогоплательщиков обязаны были ежедневно представлять доклады о вывезенных на заготконторы продуктах.

Были случаи, когда обыск проходил с особым пристрастием, в таких случаях выгребались все запасы. Задержанные отделением цензуры письма и доносы ярко отражают настроение людей.

«Сейчас буквально голодаем, нет в доме ни крошки муки, не знаем, как жить, не знаем, что будет дальше ... коммунисты сыты, пируют, а мы голодаем... Вот до чего советская власть довела». (ЦДНИТО Ф.1, О.1, Д.48).

Те, кто почувствовал себя обманутым, но еще не слышал за спиной дыхания смерти, находили в себе силы шутить. Так рождались антисоветские частушки.

Эх, яблочко, да сбоку зелено,

Нам не нужен продналог, не надо Ленина!

Так как все авторы такого творчества первыми пострадали, то до наших дней опасных частушек и песен дошло немного: что-то сохранилось в памяти старожилов, что-то хранят томские архивы.

Недовольный ропот среди крестьянства грозил бунтом. Советская власть, стремясь любой ценой удержаться в Кремле, включает механизм репрессий.

Печально знаменитая 58-я статья появится вместе с Уголовным кодексом только в 1926 году, а до этого людей расстреливали за участие в «белом движении», мстя за былые обиды, за незаконное хранение оружия, за нежелание сдать «горбом нажитый» хлеб государству, а то и по преступному недомыслию следственных органов или по недоразумению.

Длинная вереница жертв репрессий...

Жарков Иван Иванович, 1883 г.р., житель села Богородского, крестьянин. Арестован в 1920 году. Расстрелян.

Жарков Сергей Игнатьевич, 1888 г.р., житель села Бабарыкино, крестьянин. Арестован в 1920 году, расстрелян.

Киселев Иван Яковлевич, 1890 г.р., житель деревни Федораевская заимка Монастырской волости. Арестован в 1920 г. Осужден на 5 лет.

2 февраля 1930 года за подписью Ягоды выходит приказ о немедленной ликвидации контрреволюционного кулацкого актива и массовом выселении наиболее богатых кулаков и их семейств в отдаленные северные районы с конфискацией их имущества.

С этого времени началась новая волна репрессий. Крестьян из крепких хозяйств вместе с детьми эшелонами везли со всей России в Томскую область с ее холодным климатом и более трудными жизненными условиями, чем в южных или центральных районах страны.

Некоторые партии ссыльных оставляли в Богородском районе, в июне 1930 года объединенном с Кожевниковским районом, Томского округа для работ в сельскохозяйственной или лесопромышленной отраслях. Искалеченных пытками или непосильной работой людей с 1931 года отправляют на жительство в инвалидный Дом в Вороновку.

Кулаков земли Шегарской везли баржами в северные районы Томской области.

На безлюдном берегу ссыльных высаживали. Выживали только самые сильные и здоровые. Спецпереселенцы тысячами шли через малонаселенные деревушки северных районов, просили милостыню, а иногда, доведенные до отчаяния, подчистую выгребали амбары у местных жителей, чтобы не умереть от голода. Зимой многие замерзали у дорог, присев на корточки. Летом спасала рыбная ловля, ягоды, грибы, лебеда с крапивой, картофельные очистки.

Старожилы селений, расположенных вдоль северных рек, вспоминают, как изможденные люди, отмахиваясь от гнуса и проваливаясь в ил, шли голодной толпой по грязному берегу.

Легче было тем, кого привозили семьями. За короткое лето мужчины успевали поставить жилье. Строить хоромы ни времени, ни инструмента, ни сил не было. Рыли ямы, сверху делали из небольших бревнышек настил, который покрывали берестой, засыпали землей, дерном. В таких насыпушках без окон и дверей у одних заканчивалась жизнь, у других только начиналась. Некоторые из родившихся в поселениях для ссыльных переживут всех своих мучителей, а их дети, закалив характер в трудной жизненной ситуации, в семидесятых – восьмидесятых годах сделают карьеру в государственных структурах.

Вопреки жесткому контролю за спецпереселенцами со стороны комендатуры, случались побеги ссыльных домой.

Жительница с. Мельниково Е.С. Рыбалова (в девичестве Харитоновна), 1916 года рождения, д. Мало-Бабарыкино, рассказывала, как ее сестра Татьяна вышла замуж за кулака из Батката. Жили крепко, работали от зари и до зари, не покладая рук. Все в семье были сыты, одеты и обуты, пока не раскулачили. Вместе с мужем и детьми ее сослали в Васюганский район.

В семье Харитоновых скучали по Татьяне, жалели ее и решили вернуть в отчий дом. Старший брат Сергей отправился на поиски и каким-то чудом (что по тем временам было крайне трудно) разыскал родных. Выбрав благоприятный момент, он тайно выкрал любимую сестру и двух племянников. Зимой на санях, укрыв беглецов тулупами, привез всех в Мало-Бабарыкино (Малышовку).

Однако вскоре нагрянули военные. Татьяну решили оставить дома, а вот Сергея отправили на спецпоселение. Позднее Татьяна вновь удачно вышла замуж за домовитого хозяина Е.С. Котикова, который и жил небедно, и с властями умел ладить, получая за ударный труд в колхозе награды.

Не вступив в колхоз, сохранить даже немудреный скерб в тридцатых годах было сложно. В иных деревнях председатели сельсоветов и их заместители так привыкли к массовым раскулачиваниям, что, когда все зажиточные хозяева в селе перевелись: были либо расстреляны, либо посажены или высланы, – стали обирать оставшихся одиночников из середняков и бедняков. Полуграмотные начальники, почувствовавшие вкус власти над бесправными людьми, однажды в условиях репрессий переступали безнаказанно закон, а потом уже не могли остановиться.

Документы ЦДНИТ по делу 33-летнего председателя Монастырского сельсовета Лайченко и его заместителя Смокотина свидетельствуют, в каком бесправном положении был крестьянин-единоличник.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 17 заседания Шегарского РК ВКП (б) от 5 апреля 1937 года, начавшегося в 6 вечера и продолжавшегося до 11 ночи:

«В сентябре месяце 36 года Смокотин произвел изъятие корзины лука в количестве 50 килограмм, привез его к себе на квартиру, где его и разделили с председателем с/совета Лайченко. Лук был изъят в поселке Михайловка у единоличника Юхневича Мартемьяна.

Здесь же Смокотин произвел изъятие у колхозницы Есипенко Павлины швейную ножную машинку и у единоличницы 2 двухспальные подушки и пиджак, покрытый серым сукном, и все эти вещи привез к себе домой. На следующий день утром гражданка Есипенко Наталья пришла на квартиру к Смокотину и со слезами стала просить, чтобы он ей вернул незаконно, взятые вещи, на это Смокотин сжалился и возвратил только один пиджак, а подушки не вернул, а оставил себе для личного пользования, и зная о том, что подушки взяты незаконно взял и продал их 27 января учителю Чепрунову за 15 рублей, а швейную машинку продал 18 марта сего года гражданке Деминой Марии за 170 рублей ...

В декабре сняли лошадь у единоличника Бембель Андрея, последнюю с торгов не продали, а оставили для разъездов сельсовету. Во время поездки председатель с/ Совета таковую угробил.

23 января с.г. Смокотин произвел изъятие хлеба у единоличника Степаненко Терентия 3 куля ржаной муки (по-видимому, у несчастного Терентия больше ничего не было) и разделил с Лайченко.

В феврале Смокотин произвел изъятие двух овец у единоличника Юхнович Устина и продал их председателю колхоза « Прогресс » за 50 рублей.

В сентябре 36 года он же произвел изъятие кедрового ореха у единоличника Петухова Спиридона в количестве 1 куля, указанный орех сдал в ноябре месяце только ½ куля в сельпо, а ½ куля присвоил для личных нужд...

... Смокотин через председателя сельпо в ноябре мес. 36 года достал для себя мануфактуры «Вельвет» из фонда хлебоза, куда и до сего времени деньги не уплатил.

В октябре он произвел изъятие имущества у единомышленника Севостьянова Трофима без всякой описи швейную машинку, один центнер ржи и ружье «берданку». Машинку без всяких торгов продал бывшему председателю сельсовета с. Монастырки Максиму.

У единоличницы Афанасьевой Матрены изъяли из ямы без всяких на то причин 4 с половиной ведра картофеля».

(Орфография, синтаксис и пунктуация сохранены. ЦДНИТ. Ф. 888, О. – 1, Д. – 9).

Можно только предположить, каково было отчаяние старушки Матрены, оставшейся без картошки на зиму.

В протоколе на 3 листах перечисляются незаконные изъятия чужого имущества, сделанного Смокотиним и Лайченко, в течение одного только года. Многочисленные документы утверждают: мародерство имело место не только на территории Монастырского сельсовета.

В ответ на перечисленные преступления, прозвучавшие на заседании райкома ВКП (б), Лайченко сказал, оправдывая свои действия:

– Да, я нарушал советские законы, грубо нарушал устав артели, но меня на это толкало бывшее руководство района. Я незаконно продал корову (единственную кормилицу, изъятую в многодетной семье единоличника. – Прим. автора) бывшему секретарю Бычкову, продал барана председателю (Шегарского) райисполкома Юркову, которого взял в колхозе, и деньги за которого не уплачены до сего времени». (Орфография и пунктуация сохранены. ЦДНИТ Ф. 888, Оп.1, Д.9)

За шесть лет до этих событий принимались меры по предотвращению мародерства, но, как видим, безуспешно.

Еще 21 февраля 1930 года в контрразведывательный и информационный разделы ОГПУ г. Москвы поступила записка от полномочного представителя ОГПУ по СИБКРАЮ Заковского о «продолжении стихийности раскулачивания,... подведением под экспроприацию наравне с кулаками значительного количества середняков и даже бедняков... практикуя отбор у экспроприруемых полностью всего имущества вплоть до белья, ложек, снимая последние пимы, шапки, требуя немедленного при этом выселения, выгоняя семьями из домов в ночное время, не предоставляя помещения, нового места поселения ... аресту подвергаются середняки и бедняки, в некоторых селах занимающие в количестве всех экспроприруемых 30 – 50 % , а также подвергнутых часто полному изъятию их имущества. Среди других недочетов проведения кампании к крайне отрицательным относятся факты грубостей, издевательств, взлома ящиков, расхищения, присвоения, бесхозяйственного обращения с конфискуемым имуществом, граничащих в некоторых случаях с явным мародерством и участием в этом отдельных партийцев и комсомольцев, что нервирует широкие круги населения».

(Составитель В.Н. Уйманов. Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей, т.4, Управление Федеральной службы контрразведки России по Томской области, г. Томск, 1994, стр. 99).

С незапамятных времен люди отражали свое отношение к событиям в устном народном творчестве. На раскулачивание крестьяне смотрели с разных точек зрения. Колхозники его приветствовали, единоличники резко осуждали.

Самоварчики скрипели,
Чайники забрякали.
Все колхозники запели,
Кулаки заплакали.

Ой, спасибо Ленину
Ой, спасибо Сталину,
Весь хлебишко отобрали
И жакетку мамину.

Такие частушки стоили любителям фольклора до 10 лет свободы.

В эти годы родители поучали детей: «Думай, что говоришь, но не говори, что думаешь».

Люди боялись сказать неосторожное слово даже в присутствии близких людей, но находились смельчаки, которые свое негативное мнение о власти высказывали прямым текстом.

Из протокола № 15 «А» заседания Шегарского райкома ВКП (б).

«Иванов А.: Классовая бдительность у нас не на должной высоте... Колхозник Козлюков Татьяновского сельского Совета прямо заявил, что Сталин у нас свергнут, и у нас теперь президент».

Шел 1937 год, самый беспощадный год в череде кровавых лет сталинских репрессий.

ВЫДЕРЖКА из оперативного приказа народного комиссара внутренних дел Союза ССР за подписью генерального комиссара государственной безопасности Н. Ежова от 25 июля 1937 года:

«...приказываю – с 5 августа 1937 года...начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов...»

Все репресслируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на 2 категории:

а) к первой категории относятся наиболее враждебные ... Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрению их дел на тройках – расстрелу;

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки...

Ежедневно к 12 часам за истекшие сутки доносить мне телеграфом ход и результаты операции и все добытые следствием материалы».

Надо полагать, что вывод из этого приказа был однозначный: если сведений поступало недостаточно, значит, служба безопасности либо не работала, либо состояла из врагов народа.

Так началась новая волна репрессий, которые совершались от имени народа.

До сих пор жива в памяти шегарцев атмосфера недоверия, подозрительности, невысказанной жестокости тех лет.

«Я никогда не забуду ареста Осипа Есюкевича, – вспоминает старожил Монастырки Д.Ф. Севостьянов, – тихий и спокойный был, лишнего слова не скажет. И вот на тебе. Утром, проснувшись, узнаем – увезли Осипа. А за что?».

Государственный архив Томской области хранит материалы об Осипе Игнатьевиче, арестованном в 1937 году в тридцатилетнем возрасте. Его осудили на 10 лет за причастность к «Союзу спасения России».

Краеведы Монастырской школы рассказывают еще об одном своем земляке – Германе Петре Емельяновиче: «Зажиточный был мужик, хозяйственный. Бог дал ему и жену работающую. Вместе с четырьмя детьми держали они большое хозяйство. Разводили лошадей, крупнорогатый скот, овец, свиней. Работников не нанимали, сами управлялись. А когда крепко на ноги встали, купили сельскохозяйственные машины». В 1932 году П.Е. Германа раскулачили и вместе с семьей отправили в Нарым. Многие из ссыльных от голода и непосильных работ навсегда остались в том холодном краю, а семья Петра Германа выжила. Вскоре всех ее членов реабилитировали за отсутствием состава преступления, и они вернулись к родным в Монастырку. Радость оказалась недолгой. В 1937 начались массовые аресты. Орудием репрессий была

и откровенная ложь, провокации, подтасовка фактов, пытки, издевательства, унижения. Германа П.Е. забрали по линии НКВД, и больше его никто их близких не видел.

ВЫДЕРЖКА из стенограммы оперативного совещания, проводимого начальником Управления НКВД по ЗАПАДНО-СИБИРСКОМУ краю Мироновым:

г. Новосибирск от 25 июля 1937 года.

... Дела будут оформляться упрощенным процессом ...

Лимит для первой операции 11000 человек, т.е. Вы должны посадить 28 июля 11000 человек. Ну, посадите 12000, можно и 13000 и даже 15000, я вас не оговариваю этим количеством. Можно даже посадить по первой категории 20000 человек... Повторяю, что можно посадить и 20 тысяч, но с тем, чтобы из них отобрать то, что представляет наибольший интерес...

Стоит несколько вопросов техники. Если взять Томский оперсектор и ряд других секторов, то по каждому из них в среднем, примерно, надо будет привести в исполнение приговора на 1000, а по некоторым до 2000 человек.

Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место? Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн, и потом этим дерном покрыть это место... Аппарат никоим образом не должен знать ни место приведения приговоров, ни количество, над которым приведены приговора в исполнение, ничего не должен знать абсолютно потому, что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений... (Боль людская: Книга памяти репрессированных. – Томск: Изд-во Томского университета. 1999. т.5).

13 человек по суду тройки УНКВД было расстреляно в с. Гынгазово. На красневческой конференции по теме «Наш край – место ссылок и репрессий» ученица Гынгазовской школы Людмила Птухина рассказала о дочерях «врагов народа», проживающих с ней в одном селе. Валентина Захаровна Казарина, 1920 года рождения, учитель по профессии, вспоминает о своем отце, Казарине Захаре Григорьевиче, заведующем овцефермой колхоза «Строитель социализма»:

Отца арестовали ночью 17 мая 1937 года. В 2 часа ночи, когда все спали, в дом настойчиво постучали, от чего все дети проснулись, младшие разреве-

лись. Вошедшие в дом два милиционера и 2 сельских человека сказали отцу следовать за ними в сельсовет. Не дав одеться, как был в нижнем белье, так и увели под дуло оружия...

Утром мать понесла в с/ совет одежду и хлеб с салом отцу. Кроме него там под охраной находилось еще несколько человек. Милиционеры одежду и хлеб взяли, а сало вернули, пояснив: «Не сдохнет».

Вечером, когда я была в сбербанке, в здание вбежала взволнованная женщина и закричала, что ведут арестованных. Их вели в сторону церкви, руки заложены за спину, а по бокам шли вооруженные с ружьями. ... Женщины ревели, падали в обморок, провожая своих мужей и детей... 22 августа 1937 года отца судила тройка УНКВД Западно-Сибирского края по ст. 59 п.2 – 10 – 11 УК РСФСР, приговорив к расстрелу. 10 сентября приговор был приведен в исполнение».

Близкие узнали об этом только в 1961 году, когда пришло известие о смертной реабилитации.

До самой старости В.З. Казарина не смогла ответить на вопрос: за что? Все годы она помнила своего отца веселым плясуном и запевалой. Он был добродушным, гостеприимным человеком. Приехав с родителями из Белоруссии, он жил с семьей до 1925 года в Росташовке. Затем перебрался к братьям в Гынгазово, зарабатывал на хлеб пошивом одежды для односельчан. Был он прекрасным мастером по изготовлению мебели. В 1933 году вместе с братьями вошел в колхоз, где и возглавил овцеферму. Шесть детей из девяти родившихся вырастили с женой.

На самобытных, воспитанных в труде и неприхотливости, многодетных семьях веками держалась Россия. За годы репрессий эта основа была разрушена. Уничтожилось поколение, обладавшее удивительно разносторонними талантами.

Отец заслуженного учителя РФ, работавшего в Шегарской средней школе № 1, Ярошкина Николая Николаевича, был в 30-м году сослан из Белоруссии в Томский округ Сибирского края за отказ вступить в колхоз. Он владел всеми видами мастерства: был плотником и столяром, изготавливал добротную мебель, научился делать ткацкие станки и станки по выжимке масла из льняного семени, машины по производству веревок, мог ремонтировать старинные

часы с музыкальным боем, строил скотные дворы для заготконторы, умело клал печи, шил сапоги. Николай Никифорович во время редкого досуга рисовал, занимался рыбалкой; пел до революции в церковном хоре, т.к. обладал сильным голосом.

В 1992 году из Управления министерства безопасности по Томской области Ярошкиным пришла весть об отце: «приговор приведен в исполнение 2

Заслуженный учитель РФ Н.Н. Ярошкин, сын репрессированного Н.Н. Ярошкина

октября 1937 года в г. Колпашево.

... Примите наше искреннее соболезнование в связи с трагической судьбой, постигшей Вашего отца и Вашу семью».

В день расстрела ему не было и сорока лет.

Самородки от природы, такие люди обеспечивали за счет своего мастерства безбедную жизнь своей семье. Но именно они больше всего страдали от умения жить достойно в любых условиях.

Не меньшим репрессиям подвергались и руководящие органы.

В ноябре 1937 года был арестован председатель Шегарского райисполкома Юрков Григорий Демьянович.

Ему были предъявлены обвинения по 14 пунктам.

«Пункт 7: аппарат РИКа и его отделов засорен чуждыми элементами (завхоз – кулак, бухгалтер райздравотдела – бывший белый офицер, зав. общим отделом – поп).

Пункт 14:

В кампанию хлебоуборки и хлебосдачи 1937 года Юрков от руководства самоустранился и тасился только на поводу райкома партии».

Как видим, п. 7 и п. 14 противоречат друг другу. Оказывается, «тащиться на поводу у партии» тоже опасно. Шегарский райком ВКП (б) за подписью Налимова предложил органам УНКВД «взять на разработку Юркова и проверить его политическую деятельность и соучастие в работе с бывшим секретарем Шегарского райкома Яковлевым, ныне арестованным, как враг народа – японским шпионом».

Через год на посту секретаря Шегарского райкома не будет и Налимова, а Григория Демьяновича Юркова оправдают через 2 года по суду и освободят в июне 1939 года.

Но за 2 года до оправдания пострадают все, кто был с ним по долгу службы связан и имел родственников в среде кулаков или фабрикантов.

«Бывшие руководители Шегарского района Яковлев (первый секретарь райкома, осужденный как японский шпион) и Юрков (председатель райисполкома) имели свою агентурную сеть...

В том числе в колхозе «Блюхер»:

1. Лещенко Илья – бригадир, член правления, сын кулака, у которого десятки родственников раскулачены.

2. Петров – член правления – животновод, сын владельца кож. завода, родная сестра владела в Томске махорочной фабрикой, а ее муж был начальником колчаковской милиции.

3. Таразанов – счетовод, зять кулака, ныне осужденный на длительный срок.

Эта активно действующая банда работала по указанию ставленников врагов народа Яковлева, Юркова, Иванова, в лице парторга Жукова, председателя колхоза Демьяненко, бывшего директора Бабарыкинской школы, кандидата в

члены президиума РИКа, ныне разоблаченного польского шпиона Подчашинского.» (ЦДНИТ Ф. 888, О.7, Д.28)

К этому времени Александра Борисовича Иванова, заведующего Шегарским райздравотделом, уже расстреляли.

Но особенно тяжелым оказалось положение иностранцев.

Вацула Карл Александрович в Шегарский район приехал из Австрии. Работал в колхозе «Боевик» в деревне Перелюбка. В 1942 году умер во время от пыток на допросах. Ему было всего 40 лет.

Ли-Чан-Чин – член колхоза «Прожектор». Жил и усердно трудился в Комаровке, обеспечивая горожан продуктами питания. Ему во время расстрела было 26.

Китайцы, корейцы, поляки, немцы...

Что привело их в нашу глухомань в это страшное время? О чем им мечталось? Не все они приехали по принуждению, но почти все пострадали в разные годы от репрессий.

С особым ожесточением уничтожались священнослужители. Последний священник знаменитой Богородской церкви Филипп Авсеев вместе с сыном Михаилом, священником Колыванской церкви, был арестован в 1937-м. Больше их никто не видел.

Купола храма в Богородском варварски скинули, а над крестом надругались. На него накинута петля и пытались сорвать с центрального купола, но крест «сопротивлялся» насилию: натянутая веревка лопнула. Все оторопели и в молчании долго стояли и смотрели. Несколько дней никто не решался на святотатство.

С падением священного символа веры пришли «черные дни».

Село Богородское получило в конце тридцатых годов новое имя Шегарское не случайно.

Оно означает в переводе с селькупского «черные места» (ШЕ – темный, что означало и темный цвет, и темные силы).

Одних в Шегарский район без суда и следствия привозили за тысячу верст, других ночами забирали.

Как выяснится позднее, многие дела были сфабрикованы.

По делу работников районного отдела милиции Вавриша и Свешникова, обвиняемых в фабрикации дел, направляемых на тройку УНКВД, установле-

но, что все протоколы допросов обвиняемых заверялись в р.и.о. прокурора Шегарского района Жуковым, который на каждом протоколе допроса делал запись: «при допросе присутствовал. Прокурор Жуков». В действительности же никогда ни с одним обвиняемым не беседовал». На этом документе сделана красным карандашом пометка: «Привлечение Жукова к уголовной ответственности санкционирую. Новиков».

В докладе на райпартактиве Шегарской парторганизации, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции, упоминалось обращение немецкого командования к своим солдатам: «Для твоей лично славы ты должен убить ровно 100 русских ... У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского – не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик.

Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее всей семьи и прославишься навеки...».

Так в годы войны страна оказалась между молотом и наковальней.

С одной стороны, народ уничтожали фашисты, с другой – с такой же беспощадностью – карательные органы своего государства.

Репрессии продолжались и после войны. Не успевал новый руководитель войти в курс дела, как его либо снимали за неудовлетворительную работу, либо садили в тюрьму, либо он уходил с работы по собственному желанию.

В 1946 году в Шегарском районе за первые 3 месяца в 17 колхозах сменили председателей. За весь год их поменяли в 42 колхозах.

К-з «Искра» – председатель Гладун посажен в тюрьму за злоупотребления.

К-з «1 мая» – предс. Чашин ушел по состоянию здоровья.

К-з «Прожектор» – пред. Трубочев бросил колхоз, никого не предупредив, и сбежал в неизвестном направлении.

К-з «1 сев 2-й пятилетки» – пред. Кондратьев бросил колхоз и уехал в неизвестном направлении.

К-з «Советская Сибирь» – председатель Федотов за нарушение правил агротехники арестован и посажен в тюрьму.

К-з «Красный пахарь» – пред. Тетерский отдан под суд.

К-з «В бой за культуру» – пред. Иваненко за нарушение Устава сельского хозяйства осужден и посажен в тюрьму.

К-з «III Сталинской пятилетки» – пред. Шаробуров за невыполнение государственного задания по хлебопоставкам, за порчу хлеба осужден и посажен в тюрьму.

К-з пред. Башкиров освобожден от должности за злоупотребления, осужден, посажен в тюрьму.

... по этому списку перечислено 42 колхоза, сменивших своих председателей.
подпись:

Секретарь Шегарского РК ВКП (б) по кадрам Абушаев».

(ЦДНИТ Ф. 888, О.1, Д.2)

Некоторые, не дожидаясь ареста, уходили с руководящей должности по состоянию здоровья. Иным удавалось сделать карьеру и подняться выше по социальной лестнице.

Были среди руководителей в это непростое время и большие любители разгульной жизни. Одним из первых директоров гынгазовской МТС числился Д.С. Оплачко. Свое основное время он тратил на пиры в обществе красивых дам. Катали их по гынгазовским улицам на грузовике, предлагал руку и сердце. Если очередная избранница давала согласие на брак, разводился с женой. Женившись в третий раз, он окончательно подорвал от скандалов в семье нервную систему и, бросив сельхозтехнику на произвол судьбы, уехал на курорт. Товарищи по партии решили пожурить любвеобильного начальника.

Райком партии вынес от 5 августа 1937 года постановления:

«... предупредить, если он и впредь вместо работы в МТС в ответственный момент уборочной будет уделять больше внимания женитьбам, разводам, бесцельным разъездам без ведома райкома ВКП (б), а также если не восстановит прорывное состояние МТС, то он будет исключен из партии и отдан под суд за развал работы.

Потребовать от Оплачко 75% рабочего времени проводить не на усадьбе, а в колхозах и тракторных отрядах».

Может быть, и одумался бы директор МТС и взялся бы, наконец, за ум, растративая здоровье не на личном фронте, а в борьбе за урожай, да беда пришла, откуда и не ждал.

Осенью 1937 года его арестовали и отдали под суд за шпионскую деятельность. «...держал в аппарате МТС шпионов Задружинского, Бакина и Греймса, осужденных на 10 лет, Дудкина, зав. нефтебазой, Дудкина, бригадира тракторной бригады, Серых – шофера, кулаков и детей кулаков». (ЦДНИТ, Ф. 888, Оп.1, Д.28).

После подобных арестов доставалось и начальству из райкомов партии. На одном из его заседаний член партактива Габиев признался: «Для того, чтобы быстро разоблачать врагов народа, надо самому овладеть большевизмом, а для этого нужно изучать марксизм, ленинизм и Сталина, а у нас в партучебе дисциплина расшатана, даже те из людей, кто дома, не идут на партзанятия.

Иванов А. (зав. райздравом): – Редакция работает недостаточно...мы еще мало показываем врагов через газету... культпропагандист т. Байгулов своей работы еще не развернул. Не случайно идут разговоры о Байгулове, что он сын кулака... Семенов (член шегарского партактива) также подозрительное лицо, женат на дочери псаломщика».

В большинстве своем арестованные люди и их близкие за всю свою жизнь так и не узнали, за что их наказали.

В 1937 году секретарю Гынгазовского с/с Хопенко поставили в вину, что в 1920 году (17 лет назад) он не разоблачил кулака Бурыхина (т.е. не донес на него).

Образовавшуюся после репрессий и войны брешь среди рабочих и колхозников закрывали приехавшими поволжскими немцами и ссыльными из Прибалтики.

С Украины была сослана семья Василия Николаевича Борина. Он был кузнецом, ковал подковы для лошадей, оковывал колеса, сани, мастерил различные детали для машин.

Тьма и тьма таких умельцев погибли от холода, голода, душевных и физических мук на бескрайних просторах Сибири.

Покорение первой половины XX века, пережив предельный трагизм бытия, сохранило удивительное жизнелюбие. Оно не помнит зла далекого прошлого, но хранит в памяти радость и от самых незначительных мелочей, и от больших жизненных событий: первых встреч с любимыми, деревенских вечеров, редких праздников, своевременно убранного покоса или хлеба, рож-

дения внуков. Они гордятся грамотами и другими наградами за хорошо сделанную работу, доставая их грубыми натруженными руками из завязанных тряпицей узелков.

Однажды Пушкин сказал: «Когда Русь слепла в дыму пожарищ, Европа строила прекрасные замки и города». Спустя 100 лет он смог бы повторить эти слова.

Судьбоносные партсобрания в годы репрессий

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ В ЖИЗНИ ШЕТАРЦЕВ

